

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16—18 июня 2016

РОССИЯ И ЕС: НЕ ВМЕСТЕ, А РЯДОМ

16 июня 2016 г., 18:15—19:30

Павильон G, Конференц-зал G5

Санкт-Петербург, Россия

2016

Модератор:

Эвелина Закамская, Телеведущая, телеканал «Россия 24»

Выступающие:

Андрей Быстрицкий, Председатель совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Арно Дюбьен, Директор аналитического центра «Обсерво» при Франко-русской торгово-промышленной палате

Алексей Лихачев, Первый заместитель Министра экономического развития Российской Федерации

Федор Лукьянов, Директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Александр Рар, Директор, Центр им. Бертольда Байтца при Германском совете по внешней политике

Владимир Чижов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, Постоянный представитель Российской Федерации при ЕС

Э. Закамская:

Спасибо за то, что собрались. Я просто хочу напомнить, что у нас минутная готовность, мы работаем с вами в прямом эфире на канале «Россия 24». Это теледебаты, поэтому просьба занять свои места и максимально сосредоточиться. Тех наших спикеров, которые еще не успели подойти к началу, мы будем ждать в течение разговора, по ходу разговора и обязательно пригласим. Ждем команды главных людей. [Встань, пожалуйста, и махни нам, когда мы будем в прямом эфире, мы готовы начать.]

Итак, добрый вечер, дамы и господа. Мы рады приветствовать всех участников и гостей панели дискуссионного клуба «Валдай» в рамках Петербургского международного экономического форума. Наша панель сегодня называется «Россия и Евросоюз: не вместе, а рядом». Тема достаточно трудная, об этом говорит хотя бы качество наших гостей, разнообразие наших спикеров. Сегодня мы все будем говорить по-русски, я так понимаю. Это, конечно, отрадно, но нужно обращать внимание на тот факт, что очень многие из европейских спикеров, которых мы приглашали к участию в этом круглом столе, от участия отказались по тем или иным причинам: кто-то по объективным, кто-то по субъективным. Это, как минимум, доказывает справедливость тезиса, что мы уже не вместе, но, по крайней мере, еще рядом.

Сегодня глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, который находится в Петербурге, сказал, что очень хотел бы поговорить с Владимиром Путиным откровенно, как раньше. Мы будем надеяться, что в рамках нашей сегодняшней дискуссии нам тоже удастся поговорить откровенно, и в рамках дискуссионного клуба «Валдай» градус откровенности не снижался никогда — нужно полагать, это преимущество и положительный момент нашей общей российско-европейской биографии.

Я представлю наших гостей, и у нас есть еще гости, которые подойдут по ходу разговора. Итак, Петр Дуткевич, директор Института государственного управления и государственной политики, город Оттава (Канада). Господин Дуткевич, благодарим вас за то, что пришли к нам сегодня в студию.

Александр Рар, научный руководитель Германо-Российского форума, член Правления российской экономики в Германии. Господин Рар, приветствуем вас.

Арно Дюбьен, директор аналитического центра «Обсерво». Господин Дюбьен, тоже рады вас, как всегда, здесь видеть.

Федор Лукьянов, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай». Федор, приветствуем вас.

Андрей Быстрицкий, председатель совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай». Андрей Георгиевич, спасибо за то, что нас здесь всех собрали, за организацию и возможность побеседовать. Мы ждем заместителя Министра экономического развития Алексея Лихачева и представителя России при Евросоюзе Владимира Чижова, но насыщенная деловая программа пока немножко задерживает этих участников. Если бы у нас было голосование, я бы, наверное, задала сейчас такой вопрос, исходя из названия «Россия и Евросоюз: не вместе, а рядом». Я предложу участникам нашего круглого стола выразить отношение к этому тезису. Считаете ли вы этот тезис слишком оптимистичным? Ведь на самом деле мы сегодня не просто не вместе, но мы часто играем друг против друга, если речь идет о России и Европе. Считаете ли вы это новой реальностью, которую нужно признать: мы уже не союзники, но можем ли мы быть хотя бы миролюбивыми соседями? Или не стоит сгущать краски, потому что стратегическое партнерство России и Евросоюза — это трудный, но неизбежный исторический процесс? Вот такие три варианта ответа. Вы можете добавить что-то свое, четвертое, но каждому я бы предложила высказаться по минуте. Прошу вас, начните.

П. Дуткевич:

По моему мнению, это одна Европа, но она более и более складывается, распадается на две части. Пока европейцы из Европейской комиссии это не до конца понимают и, конечно, этого не хотят. Они думают, что Европа — это одна Европа, которая должна работать по принципам Европейской

комиссии и брюссельских бюрократов. Но так не получается. Отношения России и Европейской унии не улучшаются — они ухудшаются. Не думаю, что можно эти отношения поправить до той поры, пока две стороны очень честным, очень открытым способом не заговорят о том, чего они хотят друг от друга.

Европейская комиссия издала пять принципов, по которым она хочет налаживать отношения с Россией. Эти пять принципов, к сожалению, ничего нового не вносят. На самом деле, они говорят, какие плохие эти отношения есть, а не о том, какими они должны быть. Но с другой стороны, есть и Россия, и, может быть, было бы целесообразно подумать, как Россия должна ответить на эти пять принципов, таким образом, чтобы России создать три, четыре, пять или шесть принципов поведения с европейским сообществом. Другими словами, чего Россия хочет от Европы? Это очень непонятно, получается большая асимметрия: с одной стороны, пять принципов, которые России не подходят, а с другой стороны, нет ответа на эти пять принципов. Значит, это даже не «рядом». Это где-то боком.

Э. Закамская:

Большое спасибо. Мне, правда, казалось, что эти принципы уже были озвучены лет десять назад в рамках дорожной карты, когда мы строили единое пространство, где мы говорили об облегчении визового режима, где мы говорили об общем экономическом пространстве. В общем-то, тезис, что Европа — это от Лиссабона до Владивостока, появился не вчера, поэтому, казалось бы, здесь с желаниями все стороны определились достаточно давно, но путь к их реализации был и остается исключительно тернистым.

П. Дуткевич:

Я думаю, что он не только тернистый. Надо понимать и европейцев, потому что им кажется (конечно, я смотрю на это из-за океана, я из Канады), что у них есть очень сложная система норм и ценностей, и они не хотят добавлять воды в этот стакан, поскольку проблем складывается так много,

что добавлять еще одну проблему — делить Европу на две части — кажется им просто невозможным.

Э. Закамская:

Давайте узнаем. Попробуем понять европейцев. Александр, помогите нам в этом. И ответьте на первый вопрос. Как вы думаете, где мы? Вместе, рядом, против друг друга?

А. Пар:

Мы всегда будем рядом, потому что география такая, мы живем на одном континенте.

Э. Закамская:

Соседей не выбирают, как говорят, да? Вы это имели в виду?

А. Пар:

Наши предки когда-то решили жить вместе, или Бог так захотел, во всяком случае мы живем на одном континенте, на одном материке, на одной земле. Поэтому мы рядом. Но мы не вместе, потому что мы не создали нужных институтов, понимания, общих ценностей. Общей системы безопасности, которую можно было, с моей точки зрения, создать в 1990 году.

Если говорить устами политолога, я думаю, мы стоим перед разделом мира. Мировой порядок заново создается. Что касается Европы, то ситуация очень простая: Европа просто проигрывает в этой большой глобализационной игре, где Азия все больше укрепляет свои позиции, экономические, в военном плане, Америка остается как она есть — где-то еще супердержава, но уже слабее, Латинская Америка поднимается, Африка. Очень много новых игроков появилось на этой планете. Европа слабеет, население убавляется в процентном статусе по отношению к другим, и поэтому Европа хочет защититься. У нее две возможности: или уйти под крылышко американцев, или создать вместе с Россией общее пространство от Владивостока до Лиссабона. Эти две концепции сейчас

борются в умах европейцев. Пока побеждает американская концепция, потому что она более привлекательна для элит Европы. Это прожитая вместе жизнь во время холодной войны, это отвержение всего советского, коммунистического и создание именно привлекательной экономической свободной зоны под названием ТТIP, над которой сейчас работают Обама и Меркель. Другая концепция «От Лиссабона до Владивостока», конечно, для многих континентальных европейцев более привлекательна, но пока не находится лидера в Европе, который мог бы встать на эту позицию. И тут Петр Дуткевич тоже в чем-то прав. С российской стороны было очень много разумных предложений: вспомним речь Путина в 2001 году в Бундестаге — да еще Ельцин говорил об этой общей концепции, — предложения Дмитрия Медведева в 2008 году создать дискуссионную площадку для обсуждения общих проблем, тоже от Владивостока до Лиссабона. Владимир Путин потом в 2010 году тоже предлагал третью концепцию. Это та же самая концепция. И Россия-то открывала двери, но до конца не было понятно, на какой концепции она хочет построить это общее пространство — «От Владивостока до Лиссабона». Но мне кажется, все равно мяч сейчас на нашей стороне, мы должны сами принимать эти решения. Я думаю, что пока неизвестно, куда Европа пойдет, но она будет метаться между двумя этими возможностями.

Э. Закамская:

Вы считаете, Александр, что неизвестно? А в доктрину безопасности Германии вносится поправка, по которой Россия объявляется соперником, а не партнером Германии. Разве это не очевидный выбор?

А. Пар:

Ну, чего там говорить вокруг да около, у нас произошло серьезнейшее столкновение на геополитической площадке — Украина, — поэтому разговоры о том, что Россия является стратегическим партнером, ушли во многом на второй план. Они не исчезли, но сейчас о них не говорят, сейчас в Европе говорят о соперничестве с Россией именно по поводу Украины, по

поводу Молдовы, может быть, еще других стран. Пока мы эти проблемы не решим, будет определенное соперничество.

Но я все равно хочу подчеркнуть, что высказывание, что для Германии Россия сейчас является соперником — это точка зрения, я бы сказал, консерваторов Германии, точка зрения Министерства обороны. Есть Министерство иностранных дел, которое тоже свою лепту внесет в создание новой правительственной линии в отношении вопросов безопасности. Я думаю, что там такого изречения не будет. Поэтому все строится на компромиссах.

Нужно сказать, что, в отличие от американцев, которые действительно рассматривают Россию как геополитического соперника, в Германии все-таки все понимают, что главным соперником является ИГИЛ, исламский экстремизм, который угрожает европейцам терроризмом.

Э. Закамская:

Спасибо. Пожалуйста, ваше мнение. На Францию в России всегда смотрят с надеждой, и в последние десятилетия есть примеры, когда Франция выступала с серьезной поддержкой России как на дипломатических фронтах, так и на политических.

А. Дюбьен:

В целом, я согласен с тезисом, что Россия и ЕС не вместе, а рядом. Когда-то были вместе, и я не стал бы исключать, что мы вновь будем вместе. Сейчас действительно кризис. Что сейчас важно? Не расширять дистанцию, не усугублять, а наоборот минимизировать, думать о будущем.

Что мы видим? Что все-таки уже меняется тональность дебатов, общения между Россией и Евросоюзом, что господин Юнкер сегодня в Питере сам говорит о том, что какая-то страница переворачивается. Но все это будет иметь смысл, только если мы, европейцы, сможем сделать то, что мы не сделали за 25 лет, то есть действительно придумать стратегию поведения с Россией.

Мы упустили несколько моментов. Мы упустили 1990-91 год, кстати, тогда были очень разумные предложения от Горбачева с Миттераном. Потом были выступления господина Путина в Бундестаге в 2001 году, после 11 сентября — вновь упущенный момент. Сейчас задача — понять, что случилось, почему так случилось, и изменить всю логику общения. Это будет очень непросто, поскольку внутри Евросоюза очень разные точки зрения, но обнадеживает то, что есть все-таки реалисты, разумные голоса все громче и громче сейчас звучат в Европе — не только во Франции, мне кажется. То есть определенные надежды есть. Не факт, что получится. И не будем скрывать, что и от России нужны сигналы, даже друзья России считают, что не всегда позитивные сигналы идут от вас. Поэтому мы сейчас на таком перекрестке.

Э. Закамская:

Федор, помогите, пожалуйста. Каких сигналов могут ждать в Европе от России? И какие сигналы не поступают? Потому что и от господина Раа, и от господина Дюбьена прозвучали, в общем-то, общее мнение, что Россия не всегда последовательна в своих шагах, в своих предложениях и концепциях выстраивания отношений между ней и Европой.

Ф. Лукьянов:

Если смотреть исторически, отсутствие последовательности, как мне кажется, никогда не было уникальным качеством России, с одной стороны. С другой стороны, меня всегда очень удивляет, когда я слышу из Европы и из Соединенных Штатов, что Россия совершенно непредсказуемая. Мы вот не знаем, что завтра случится. На мой взгляд, в этом своем типе непоследовательности Россия действует всегда примерно по одной модели, и надо просто понять, откуда исходят эти импульсы. Тогда довольно легко предсказать, особенно, если речь идет об ответах на то, что приходит оттуда. Владимир Владимирович Путин на Валдайском форуме в прошлом году очень емко сформулировал свою внешнеполитическую философию, которую он обрел в городе, где мы сейчас находимся, еще в

юности: если драка неизбежна, то бить надо первым. Россия, в силу разных обстоятельств своей истории последних двадцати пяти лет, сейчас находится в этом расположении духа.

Это крайне пугает Европу, потому что после распада СССР Европейский союз верил в то, что такой тип политики уходит в прошлое, что это то проклятое наследие иных эпох, которое мы преодолели, и долго себя тем успокаивал, что теперь европейская интеграция — это модель не просто европейского устройства, это фактически прототип будущего мира.

Как правильно сказал Александр, мир оказался другим. Этот самый, будущий. И то, что сейчас происходит между Россией и Европейским союзом — это два кризиса: кризис модели европейской интеграции, которая блистательно завершила свой этап 20 века. В 20 веке это был один из самых выдающихся проектов, и то, чего удалось достичь между началом 1950-х и серединой-концом 1990-х, — на самом деле является чудом для Европы. Вообще говоря, удивительно, что человек, который на мой взгляд, несомненно заслуживал Нобелевской премии мира, — Жан Монне — так ее и не получил. А Европейский союз получил Нобелевскую премию как раз в тот момент, когда он уже начал скрипеть и трещать по швам во все стороны. Такой парадокс.

Так вот, эта модель уходит, а какая будет новая, никто не знает. Европейская интеграция, скорее всего, продолжится, но она будет другой. Какой она будет, европейцы сами не понимают, мы, естественно, тоже не понимаем. Поэтому та непредсказуемость, в которой всегда упрекают Россию, сейчас относится к Европе в не меньшей степени.

Но мы со своей стороны находимся в не менее интересной ситуации, потому что, если называть вещи своими именами, мы завершили 25 лет транзита непонятно куда и сейчас пытаемся осмыслить какой-то другой путь. Этот транзит не был пустым и бессодержательным, из него надо, естественно, извлекать уроки и пытаться понять, почему не получилось, в том числе с Евросоюзом, но это не модель. Модель ушла. Модель отношений Россия—Европа, которая была с 1990-х годов, закончена. Собственно, с чего началась вся эта наша инициатива: в Валдайском клубе

мы попытались в ответ на эти самые пять принципов, которые, как совершенно правильно вы говорили, никакие не принципы отношений, а описание ситуации, как ее сегодня видят из Брюсселя, и все, больше там ничего нет. Мы попытались предложить в валдайском докладе свои принципы: на какой базе могли бы строиться отношения России и ЕС, если мы исходим из того, что мы больше не стратегические партнеры в том, старом понимании. А что такое «старое понимание»? Что Россия в каком-то виде каким-то не очень понятным способом становится частью некой Большой Европы с центром в Брюсселе. Этого не получилось. И теперь вопрос: а на каких принципах мы не вместе, а рядом? Это безоценочная констатация. На каких принципах мы можем построить эту новую модель?

Э. Закамская:

Большое спасибо. Я вижу, что подошел Алексей Лихачев. Заместитель министра экономического развития. Прошу вас, Алексей Евгеньевич, занимайте, пожалуйста, свое место.

Когда появляются неразрешимые политические, идеологические, идейные противоречия, предлагаю сосредоточиться на экономике. Мы сегодня, наверно, еще поговорим об этом чуть подробнее. Но сейчас я, чтобы вы немного выдохнули, передам слово Андрею Быстрицкому.

Андрей, продолжите, пожалуйста, тему. А вот можно «потрогать»? Если не вместе, а рядом, то как? Что это подразумевает? Что это означает для простых людей, для нас с вами? Насколько нам будут выдавать визы, например? Что мы можем туда продавать, а что получать?

Ф. Лукьянов:

Что вы все о меркантильном-то?

Э. Закамская:

Я объясню.

Ф. Лукьянов:

О ВЫСОКОМ.

Э. Закамская:

Давайте чуть-чуть понижее тогда.

А. Быстрицкий:

Без материального не бывает духовного.

Э. Закамская:

Вот Алексей Евгеньевич подтвердит.

А. Быстрицкий:

Все внутренне меняется через внешнее, это старый принцип.

Э. Закамская:

Мы еще отдельно поговорим о том, как можно развивать отношения в ситуации миролюбивого соседства, когда вокруг проходят учения НАТО. Понятно, что это другое объединение, но если практически все страны Евросоюза являются и членами другого военно-политического блока, то это тоже серьезно осложняет диалог, согласитесь.

Но продолжайте. Все по порядку.

А. Быстрицкий:

Я к вопросу о «не вместе, а рядом». Один из наших гостей, который также опаздывает, я думаю, сейчас аккуратно вместе ужинает или рядом закусывает с Юнкером. Вот люди ужинают вместе или рядом, например, за столом? Это тоже интересный процесс, и как его понимать?

Возвращаясь к этой истории, во-первых, я думаю, что действительно ситуация изменилась, и я бы чуть-чуть продолжил мысль Федора Александровича по поводу того, как Европейский союз переживает период своего самосознания. Прошли годы, и он должен обрести свою какую-то сущность, которая, наверное, еще не обретена в полном смысле этого

слова. Здесь очень много вопросов. От культуры и экономики до идентичности, до всего.

Но и в России также идет процесс не только внешнего транзита, внешней политики, но и внутреннего. Российское общество формируется, и мы видим этот процесс, он происходит на глазах. Мы видим его отдельные, я бы сказал, пережесты. Очень важный элемент для понимания ситуации заключается в том, что мы видим формирование новой российской политической, гражданской нации, то есть формирование совершенно нового общества. Его не было, а теперь выросло первое поколение людей, которые родились после распада Советского Союза. Оно вошло в силу. Что у них в голове происходит? Или ничего не происходит, кто ж знает-то? Лучше не знать, я согласен.

Э. Закамская:

Скажем так, оно вошло в репродуктивный возраст.

А. Быстрицкий:

Да. И представляете, о чем они мечтают, боже мой! Ну да ладно. Не важно. О чем бы они ни мечтали, они мечтают к тому же и о счастье, любви, успехе, поездках, путешествиях, визах, магазинах, торговле и так далее. Это есть основание. Если серьезно, то быстрой возможности для какого-то радикального улучшения российско-европейских отношений, наверное, нет. Для этого потребуется изрядное количество времени, но не потому что кто-то не хочет, а потому что это такой процесс — нужно привыкнуть к новой реальности, нужно осознать, что действительно все изменилось и что Россия не Советский Союз, она совсем не Советский Союз. Не надо ее сравнивать. Очень многие политики, о которых мы слышим, размышляют логикой, что Советский Союз стал добрым или, не знаю, другим. Демократическим. А это не демократический Советский Союз. Это другая страна, с другими принципами, с другим пониманием.

Европейский союз тоже в транзитном периоде, он поглотил огромное количество стран, не очень понятна система управления. Вот сегодня

коллега на нашей сессии упоминал о том, что количество полномочий, которое передано на уровень Евразийского экономического союза, — 140, а в Европе, я так понимаю, их гораздо больше. Но что-то ведь не передано, мы видим это. Где баланс этих интересов? Кто важнее — Брюссель или, условно говоря, совокупный Берлин или Париж? Брекзит тоже любопытная вещь, о многом говорит. Мы переоцениваем его влияние на происходящее, но это вещь существенная.

И возвращаясь к тому, в чем идея, что мы пытаемся делать на сегодняшней панели и о чем мы говорим сейчас, и о чем мы говорили в Берлине, в Риме, в Москве. Когда проходили встречи с нашими коллегами, которые занимаются той же дискуссией, тем, как все-таки строить отношения между Россией и Евросоюзом, и Федор Александрович, и Тимофей Бордачев, и многие другие приложили огромные усилия к написанию этого Валдайского доклада, который вообще-то является таким текучим документом, потому что он обновляется после каждой дискуссии. Во всяком случае такой замысел есть. Так вот эти шесть принципов вызывают живую дискуссию. Я видел, что они обсуждаются. Может, их должно быть в дальнейшем семь или пять, но в данном случае это, конечно, некоторое интеллектуальное предложение. Но то, что сейчас идет разговор, и Жан-Клод Юнкер здесь, — это тоже интересный и немаловажный факт, который не надо сбрасывать со счетов при всех разговорах, которые ведутся.

Э. Закамская:

Скажите, пожалуйста, Федор, обсуждая эти возможные пути — семь, пять, больше предложений, — где-то на заднем плане фигурировала ли мысль, что, может быть, все не получилось, потому что, когда распался Советский Союз, он был слишком добрым и слишком слабым (как сказал Андрей, Россия — это Советский Союз, который стал добрым), а потом снова разозлился? Может быть, мы тогда не защитили свои интересы?¶

Ф. Лукьянов:

Вы знаете, я думаю, что задним числом легко быть умным, смелым и

прозорливым.

Э. Закамская:

Тогда сдавали свои позиции в Европе.

Ф. Лукьянов:

Действительно, многие из нынешних проблем уходят корнями в тот период, но дело не в том. Не в том, защитили ли позиции или не защитили. Надо помнить, какая конкретно была ситуация. Легко критиковать тех, кто тогда нес ответственность, их возможности были значительно уже тех, которые есть у нас сейчас.

Но главное, на мой взгляд, даже не в этом. Когда в конце 1980-х годов на волне нового мышления Михаила Сергеевича Горбачева (можно по-разному к нему относиться, считать его реалистичным или идеалистичным, но он все-таки руководил Советским союзом, который был одной из двух держав, одной из опор мирового устройства) возникла идея общеевропейского дома, который должен был строиться с двух сторон, с двух концов: общий дизайн, выработка, согласование, и дальше мы строим на равных основаниях. Потом Советского Союза, в силу известных обстоятельств, не стало. Россия, его правопреемник, — совершенно другая страна, как справедливо заметил Андрей Георгиевич. И вместо общеевропейского дома, где два прораба, появилась другая концепция: что общеевропейский дом — это то, что строит Европейский союз, и куда он постепенно вовлекает остальных: сначала тех, кто туда вступает, а потом тех, кто, как Россия, туда не встанет и никогда не вступит, но как-то встроится. Это совершенно другая модель, модель, которая сейчас закончена, потому что мы уже поняли, что так не получится.

Э. Закамская:

Чтобы с этим разобраться, может быть, господин Дюбьен, или господин Рар, или по очереди коротко прокомментируете? Насколько сильны эти мифы, стереотипы прошлого сегодня над Европой, представления о России

как о наследнице Советского союза со всеми вытекающими отсюда последствиями?

А. Дюбьен:

И в политических кругах, и в прессе очень часто проводятся такие параллели. Почему? У части обозревателей и политиков это просто от незнания. У других — конформизм, потому что удобно так размышлять, ничего нового придумывать не надо, все уже пройдено, повторяется. Есть люди, которые считают, что действительно так надо, что выгодно устроить новую Холодную войну. К сожалению, во Франции за пределами экспертов, дипломатов, которые более или менее знают, что такое Россия 2016 года, рассуждают старыми категориями. И надо сказать, что, к сожалению, иногда стилистика сообщений из России подает такую пищу для размышлений, то есть наводит на такие параллели, может, и не желая этого иногда, дразнясь, я не знаю. Но это тоже есть. К сожалению. Это очень печально, поскольку Россия сегодня абсолютно не Советский Союз и не похожа на него ни территориально, ни в головах, ни в чем-либо еще.

Э. Закамская:

Для того, чтобы лечить болезнь, ее надо сначала признать. Здесь мы, по крайней мере, определились.

А. Пар:

Как раз о болезнях нам надо поговорить с психиатрами. Ужасно, когда кто-то страдает комплексом старшего брата. Не будем сейчас тыкать пальцами. Поговорим о комплексе, который еще страшнее. Это комплекс младшего брата. Мы наблюдаем его на постсоветском пространстве. Маленькие страны, бывшие части Советского Союза или Российской империи, которые могут выходить из постсоветского пространства, из-под влияния России только двумя способами.

Они этого не делают, они отстаивают себе новую идентичность — идентичность жертвы, жертвы коммунизма, жертвы царизма, жертвы всего,

и бегут в Америку, бегут в Европейский союз с криками «Помогите нам! Спасите нас!» К сожалению, этот комплекс младшего брата довел нас до стадии всех тех конфликтов, в которых мы сейчас находимся. Вспомним, из-за чего начался самый серьезный конфликт между Западом и Россией. По моим воспоминаниям, это был 2006 год, когда Украина нелегально забирала газ, который шел через ее территорию на Запад. Начался серьезнейший конфликт, Европейский союз отвернулся от энергетического сотрудничества с Россией. Грузия. Всем понятно, что было тогда в 2008 году, во время китайской Олимпиады, кто на кого напал, это все известно, документировано уже давным-давно и западными, и международными организациями, но Запад встал тогда на сторону более слабого, потому что Грузия смогла свою идентичность показать всему миру таким образом, что она спасается от старшего брата, бежит от России.

Украинский первый Майдан, второй Майдан — та же самая ситуация. Они написали свой нарратив, свое понимание, и Запад принимает эту аргументацию, считая, что нужно спасать эти страны от той России, которая была коммунистической, которая была когда-то царской, которая была Империей. Империи в Англии, в Германии, во Франции давно замуровали, во всяком случае, они никогда не будут больше существовать, а оказалось, что Россия — все еще Империя. И тот лютый страх, который сидит у государств в Европе, мешает нам двигаться вперед.

Последнее, что хочу сказать. К сожалению, в Европе есть только две точки зрения на Россию. Одна, что Россия должна стать демократической страной, и тогда все будет хорошо, тогда она, может, войдет в НАТО и Европейский союз. Поэтому, конечно, качаются все эти принципы свободы с Запада на Восток. И вторая поднимает проблему, как нам построить общее экономическое пространство. То же самое. Запад стоит на абсолютно твердой позиции: Россия должна в свободной экономической зоне принять наши нормы, потому что они, конечно, лучше, чем российские. Там вообще все бесспорно, никто не может себе представить, что, оказывается, в России есть нормы, которые лучше европейских. Вот такой подход. И,

конечно, Россия все время чувствует себя ущемленно, это не диалог, а какое-то очень жесткое бодание, которое постоянно происходит.

Э. Закамская:

Это обрастание комплексами, скажем так, со всех сторон.

А. Пар:

И как его лечить, можно спросить, наверное, у психиатра.

Э. Закамская:

Причем должен быть массовый сеанс, судя по всему. Пожалуйста, ваш комментарий.

А. Дюбьен:

Я хочу продолжить то, что сказал Александр, с другой точки зрения. Я поляк по происхождению, который более 30 лет живет в Канаде. Я наблюдаю, что, например, после присоединения Крыма, все страхи восточных европейцев, все страхи, все комплексы, о которых сказал Александр, вдруг всплыли: боязнь того, что вдруг что-то поменяется на европейском континенте, что Россия будет больше влиять на малые европейские страны и что она будет продолжать их делить, а не соединять. Возникает обратная реакция — отторжение от рационального способа мышления о России, начинается игра с исторической политикой. Начинается игра в страхи, в мифы. То, что мы наблюдаем, например, в Польше сейчас много поляков действительно думают, что российские войска войдут в Варшаву. Если не завтра, то через какое-то время. Они глубоко в этом убеждены. В качестве ответной реакции они сносят памятники солдатам, которые освобождали эту страну. Это интернационально, и это превращается в какой-то маразм и психическую болезнь. И они тоже члены Европейского союза, они тоже создают по принципу консенсуса европейскую политику. Они тоже влияют на Европу, причем в немалой степени. Поэтому ситуация еще больше и больше усложняется.

Э. Закамская:

Да, это правда. Есть один хороший способ снять напряжение. Например, по поводу Крыма — съездить туда и поговорить с людьми, посмотреть, что там происходит, и понять, что в Россию никого не берут против воли. Алексей Евгеньевич, пожалуйста, ваш комментарий. Экономика. Есть ли возможности в этой ситуации, в условиях взаимных санкций, которые последовали следом за присоединением Крыма и далее за обострением и развитием украинского кризиса, сегодня сосредоточиться на прагматических экономических интересах?

А. Лихачев:

Я бы сказал, что у нас просто нет другого выбора, кроме как сосредоточиться на прагматических интересах. И здесь исходящие коллеги не просто специалисты в проблематике России—ЕС, это участники в том числе многих мероприятий, которые мы проводим. Говоря честно, у меня в голове есть что-то такое, напоминающее Советский Союз, когда по телевизору видишь одно, а в жизни — другое. Была такая отличительная черта жизни при СССР, к сожалению. Так вот. Что мы видим в реальности? Мы видим в реальности неугасающий интерес европейских компаний, как еврогрантов, так и стран Восточной Европы и Южной Европы. Мы видим вновь открываемые заводы и предприятия, принадлежащие немецким компаниям, финским компаниям, французским компаниям, итальянским компаниям в Российской Федерации. И весьма эффективные бизнес-контакты. Мы видим межправительственные комиссии со многими странами, официальный межправительственный формат, рассматривающий экономическую повестку, продвигающий проекты, и, конечно же, видим большое количество предпринимателей, приезжающих сюда в Россию. При этом есть и другая реальность: отсутствие политического и экономического диалога с Брюсселем. Это болезненно для обеих сторон, поскольку барьеры существуют, в торговле они нарастают, возникают проблемы у инвесторов. Это отражается в цифрах

товарооборота. Я не буду сейчас вас мучать цифрами, но, поверьте, могу это делать достаточно долго.

Два основных вывода. С пиковых значений Евросоюз сместился с 51% в нашем товарообороте до 42%. Свято место пусто не бывает — как известно, он достаточно эффективно замещается другими странами. Аналогичное происходит и в торговой линейке Евросоюза: с 10 % до 5 % мы упали в этом году. Это те деньги, которые недополучены, а речь идет, поверьте мне, о сотнях миллиардов долларов. Это те деньги, которые недополучил реальный бизнес, те деньги, которые не стали зарплатами вполне конкретных людей, граждан европейских стран, граждан Российской Федерации.

Я, кстати, поддерживаю многие выводы, которые вы делаете, с интересом читаю валдайские материалы. Невозможно вернуться сейчас в ту точку, из которой мы уходили. Business as usual невозможен, нужно искать совершенно новые практические соприкосновения. И они есть, мы их наработали. Кстати, большое спасибо нашим немецким партнерам, коллегам из Франции — не хочу просто перечислять все страны, их подавляющее большинство среди членов ЕС, — где подготовлены серьезные проекты, где есть серьезные инициативы, что требует, конечно же, определенных решений власти. К сожалению, вопросы торговой политики, инвестиционного сотрудничества находятся на уровне Брюсселя, поэтому мы своим путем как-то это продвигаем.

Я просто хочу в заключение сказать, что такого внимания к европейским компаниям, к конкретным проблемам, которые возникают, к сопровождению проектов в целом ряде ведомств: Минэкономразвития, Минпробе, Минпромторге, Минсельхозе, на уровне руководства Правительства, Президента Российской Федерации — мы не видели даже в досанкционные годы. Мне кажется, что тот доверительный диалог, который идет сегодня с деловыми кругами Европы, просто характеризует очень прагматично нашу позицию и заслуживает позитивной оценки.

Э. Закамская:

По поводу позитивной оценки сразу хотела и продолжить. Сейчас действительно европейские компании, европейский бизнес в разных странах пытается преодолеть это брюссельское эмбарго, так его назовем, и делает для этого ряд решительных шагов. Например, регионы Италии принимают резолюции в поддержку России за отмену санкций и даже голосуют по статусу Крыма. Есть аналогичное движение во Франции. Какова вероятность того, что Россия пойдет на встречу и будет в двустороннем формате отменять свое встречное эмбарго, контрсанкции?

А. Лихачев:

Нет, это решение может принять только Правительство Российской Федерации и Президент, поскольку и указ, и постановление Правительства – это решение первых лиц. У нас есть соответствующие предложения; пока мы исходим из баланса нашего рынка, мы понимаем, что ограничения сельхозтоваров, поставки сельхозпродукции косвенно привело к повышению цен. Дефицита нет, но в принципе есть возможность и экономически на эту точку зрения взглянуть.

Э. Закамская:

Но есть и возможности для российских аграриев. Это тоже актуально.

А. Лихачев:

Да, это очень важно и для наших аграриев, и для аграриев тех стран, которые мы считаем своими ключевыми партнерами. Кстати, очень сильно беспокоятся и наши аграрии, и аграрии из СНГ, и аграрии из Юго-Восточной Азии, говорят: «Коллеги, вы нам дайте временной лаг на осмысление. Мы вложили серьезные деньги в сельхозпродукцию, нам бы хотелось не быть зависимыми от политических решений». Поэтому про политику, наверное, будет говорить Владимир Алексеевич Чижов, а я скажу про экономику. Про экономику мы понимаем, но пока не торопимся делать шаги, с уважением относясь и к инвестициям наших сельхозпроизводителей, и

сельхозпроизводителей наших партнеров. Единственное, что хотел бы еще добавить, Александр Рар не даст мне соврать, несколько дней назад в Ростове состоялась огромная конференция. Такого воодушевления я на советских партконференциях не видел. С каким воодушевлением выступал немецкий бизнес, немецкие чиновники, которые выступили с пламенной речью отменять санкции, говоря о том, что мы хотим работать, мы хотим свои прибыли. Это все про две реальности, два измерения, которые очень сложно совместить в одной голове.

Э. Закамская:

Воодушевление мы наблюдаем и сегодня на полях Форума. Здесь тоже очень много европейского бизнеса. То, что Владимир Алексеевич Чижов никак не подойдет к нашему разговору, я думаю, в каком-то смысле тоже позитивный сигнал. Это значит, что ужин с Юнкером удался.

А. Лихачев:

И есть, что есть, в этот момент.

Э. Закамская:

То есть это российские аграрии работают.

А. Лихачев:

Я так думаю, а кто же еще.

Э. Закамская:

Пожалуйста, Федор. Вы хотели что-то сказать.

Ф. Лукьянов:

Вы знаете, я всецело поддерживаю то, что говорится о воодушевлении. Всегда приятно наблюдать воодушевление, но давайте все-таки не будем недооценивать таланты и умения наших европейских партнеров, они очень любят все сваливать на злобный Брюссель. «Ну мы-то всей душой. Но

знаете, сидят там эти проклятые еврократы, не дают». Европейский союз — очень прагматичная сама по себе конструкция. Когда выгодно, они берут, как щит, Еврокомиссию, даже не щит, а таран, я бы сказал, и тараном идут вперед. Когда невыгодно, они начинают сваливать на наднациональные институты и говорить: «Ну, если бы не они, то мы, ну сами понимаете». Я бы не переоценивал возможность как-то вклиниться в эти прорехи, и, честно говоря, мне кажется, нам надо немного реалистичнее смотреть на это.

Пару недель назад меня очень повеселила одна новость (продержалась, по-моему, один день, но в нескольких местах была у нас, в том числе в солидных газетах), что фракция левой партии в городском парламенте города Квакенбрюк в Нижней Саксонии намерена поставить вопрос о признании Крыма. И это у нас обсуждали. Мне звонили журналисты, спрашивали, что я думаю об инициативе квакенбрюкцев.

Но давайте все-таки понимать, что Европа — это механизм довольно сложный и, на самом деле, построенный для защиты своих интересов самыми разными способами, как на наднациональном, так и на национальном уровне. И вот по поводу интересов, если мы говорим о прагматике. Мы в нашем докладе ставим вопрос ребром, посягнув на святое. Все эти годы звучала мантра про общие ценности. Это отдельная тема, которую сейчас вообще болезненно обсуждать, но отложим ее. Но всегда говорилось, что у Евросоюза и России есть общие интересы. Давайте их найдем и вместе будем им следовать.

Мы утверждаем в нашем докладе, что не надо нам искать общие интересы. Пусть будут интересы не разные, но конкретные у сторон. Когда мы выясняем, что у России — есть интересы, которые мы считаем первоочередными, то мы их будем добиваться, а другие интересы менее первоочередные, — и тут мы можем уступить. То же самое Евросоюз. И когда мы найдем возможность сочетать эти несочетавшиеся интересы, не общие, а каждый свои, тогда начнется реальная работа. Вот это самое воодушевление, о котором говорит замминистра экономики, как раз будет приносить плоды.

Э. Закамская:

Пожалуйста.

А. Рар:

Я хотел бы с воодушевлением, например, вернуться в Германию. Но я понимаю, что это мне не удастся. Когда сойду с трапа самолета, там совсем другие дискуссии будут, к сожалению. Я думаю, что мы находимся в мире, похожем на тот, который был в 1970-е годы — когда был Советский Союз, когда был Запад и было две концепции, как бороться с коммунизмом — тогдашним врагом Запада. Одна концепция, которую излагал Вилли Брандт, очень известный немецкий политик, который даже пошел против Америки с поддержкой немецкого бизнеса. Под лозунгом «перемены через торговлю» он начал поддерживать бизнес с Советским Союзом, с Польшей, с ГДР, с Варшавским договором, через усиление бизнес-контактов, через построение газовых труб и других всяких транспортных путей из России в Германию. Где-то появилось доверие, появилась возможность пройти вот этот хельсинкский путь, создать ОБСЕ-организацию, где-то сблизиться вместе. А была другая концепция — концепция Рональда Рейгана — взять и поставить эти самые военные сателлиты в космосе, уничтожить политику разоружения Советского Союза, создавая все новые и новые вооружения в надежде, что Советский Союз просто не имеет денег сделать то же самое. И сегодня, когда ведешь дискуссии в Германии или в Америке по поводу того, как рухнул Советский Союз, какую лепту в это внес Запад, то в Германии особенно говорят, нет, мы вот мирным путем пытались повлиять на российское общество, установили какие-то там другие возможности, через бизнес, мирным путем все тогдашние бархатные революции. Есть другая точка зрения в консервативных кругах, что нужно сдерживать Россию. Довести ее до такой ситуации, когда она больше не будет успевать все это делать. Эти две концепции сегодня опять столкнулись вместе, это просто дежавю, которое я считал. Просто не появится уже.

Э. Закамская:

Все идет по спирали. Вилли Брандт имел, кстати, закрытый канал связи с Леонидом Брежневым, как сейчас выясняется. Они работали, взаимодействие было, при этом далеко не трубы были первичны — сначала была политическая воля. Чтобы продолжить тему того, как не надо сваливать все на Брюссель. Александр, это к вам вопрос. Северный поток-2 — это проект, который выгоден Европе, во всяком случае значительной ее части. Сильной ее части. Это проект, который поддержан Германией.

Но когда Министр энергетики Германии выдвигает условия, при которых этот проект может быть реализован, и одно из этих условий — сделать так, например, чтобы это не было в ущерб транзиту газа через Украину и не ущемляло интересов импортеров в Восточной Европе. Как вы считаете, насколько осмысленны и справедливы такие условия в адрес российского бизнеса, в адрес российских компаний?

А. Пар:

Опять вопрос к психиатру, наверное, если так разобраться. Я тоже ситуацию не очень понимаю. Есть абсолютная логика, что российский газ нужен Европе. Он с 1970-х годов был нужен. Он поступал без перебоев в Европу. Европа смогла через приобретение этого товара из России шаг за шагом отказываться от угля, от грязной технологии, и на российском газе в Европе начала развиваться прекрасная экономика. Вдруг появился этот конфликт с Украиной. И сегодня, и тогда было известно, что вопрос стоял так, что не Россия не поставляла газ в Европу, а газ, который был направлен в Европу, исчезал в какой-то транзитной стране. То есть возникла транзитная проблема. Логично было бы сейчас строить трубы таким образом, чтобы они не протекали через транзитные государства, через Черное море, через Балтийское море. Не знаю как. Может быть, можно сжиженный газ через моря поставлять в ту же Германию, в те страны, которые хотят и нуждаются в этом газе. Но вошла политика, и мне все в Европе говорят: «Украину нельзя выбивать из игры, потому что

Украина зарабатывает на этом транзите 2 млрд. евро в год, и если она не будет получать эти деньги...»

Э. Закамская:

Придется нам давать?

А. Пар:

Придется плохо экономике. И не мы же хотим кормить эту Украину на Западе, Россия не хочет. Значит, Украина должна на этих деньгах дальше каким-то образом существовать, поэтому ее поддерживают в этом отношении. Это действительно политика, поэтому даже вице-канцлер Германии Габриэль, который тут выступает за энергетическое сотрудничество с Россией, вынужден, конечно, из-за европейского консенсуса говорить: «Мы за трубы, но, пожалуйста...»

Э. Закамская:

Нет, там без «пожалуйста» было. Там «пожалуйста» не было ни разу.

А. Пар:

Нет, он вежливый человек. Он как раз и добивается очень многого от России. Он хочет, и его предложение было оставить хоть какую-то ветку через Украину, но проблема в том, что ее нужно модернизировать и оснащать.

Э. Закамская:

Вопрос, кто это будет делать. Наверно, тоже мы.

А. Пар:

Нет, кто-то должен в это вложиться, а это все стоит очень много денег.

Э. Закамская:

И американцы, кстати, не захотели этого делать.

А. Пар:

Была, кстати, прекрасная идея Шредера и Путина — создать международный консорциум и совместно выстроить, модернизировать эту газовую систему Украины. До этого не дошли.

Э. Закамская:

Очень короткие вопросы, поскольку мы все-таки не представляем интересы Газпрома. Здесь разговор как бы так по понятиям идет. Вы, европейцы, на нашем месте что бы сделали, окажись вы в такой ситуации, когда Россия выдвинула бы такие условия?

А. Пар:

По-моему, только то, что и делается. Шаг за шагом убеждать тех партнеров, которые заинтересованы в бизнесе, в выгоде этого бизнеса. Я думаю, что в конце концов здравый смысл все-таки победит.

Ф. Лукьянов:

Если можно, я на секунду встряну. Давайте не будем наивными. Да, Германия сейчас запутана в сложных политических отношениях, понятно. Но когда под свист и улюлюканье похоронили Южный поток, Германия прекрасно с этим как-то смирилась — под лозунгом «Ну да, потому что нужна диверсификация поставщиков и так далее», потому что Германии он был не нужен. Он был нужен Италии, а Италия, что же? Их проблемы. Теперь выясняется, что Германия вполне себе может вообразить еще один газопровод из России, Италия естественно говорит «Извините, а почему нам говорили?» На что Германия в общем никак не реагирует.

Я не так давно был на одной закрытой встрече с немецкими коллегами, и нам было сказано очень четко и ясно: в ответ на вопрос, что будет с Северным потоком–2, нам сказали так: «Вы, знаете, что? Вы главное ничего не говорите, потому что, чем больше вы говорите, тем нам хуже, а мы все сделаем, только тихо». Так что интересы именно так реализуются.

Э. Закамская:

Пожалуйста, Петр.

П. Дуткевич:

Я хотел бы на момент продолжить. Федор сказал, что европейцы очень прагматичны, прежде всего считают свои интересы. Когда надо, говорят о ценностях. А когда надо, используют двойные-тройные стандарты с большим удовольствием и в большом количестве. Но с другой стороны, есть проблема, что с этим делать? Как выходить из этого положения?

Есть две концепции. И одна концепция это, по-моему, концепция большой сделки. Давайте подумаем. Садимся с европейцами и скажем, что с начала до конца у вас будет так, а у нас будет так.

Ф. Лукьянов:

С кем, Петр, с кем садиться?

П. Дуткевич:

С Европейской комиссией.

Ф. Лукьянов:

Ну да, она будет валить на правительства и говорить «А у нас полномочий нет, вот Евросовет...»

П. Дуткевич:

Сейчас, подожди. Значит одна концепция — это концепция большой сделки. У россиян большая душа и есть стремления сесть и договориться. А с другой стороны, есть другой подход — мало шагов: когда надо просто определить по секторам, что надо, что грузовики должны двигаться и нефть должна качаться. И эти маленькие шаги просто надо как-то сделать понятными для европейцев. Поэтому просто я считаю, что сейчас такое время передышки. Что просто надо осмыслить маленькие шаги в целую концепцию и предложить европейскому сообществу. Чтобы не возникала

проблема, которая возникает, поскольку ты прав, что с Европейской комиссией разговаривать на сегодняшний день бессмысленно. Тогда Россия разговаривает с отдельными странами, а европейцы говорят, что Россия хочет делить Европу. Она не хочет делить Европу. Просто не с кем говорить пока. Поэтому нужна передышка.

А. Быстрицкий:

Знаешь, Петр, несмотря на то, что нас здесь трое нероссиян против трех россиян, такое ощущение, что все из России. С Еврокомиссией нет смысла разговаривать — ровно сейчас идет этот самый разговор. Я совершенно не считаю, что этот разговор бессмысленный. Я, наоборот, его считаю очень осмысленным. Понимаете, я согласен с тем, что сейчас никакой большой договор невозможен, да и не нужен. Я даже согласен с тем, что Еврокомиссия — неподходящий субъект.

Но с моей точки зрения, чрезвычайно хорошо, что к нам приехал Юнкер и что такой разговор идет. Во-первых, колоссальный плюс — то, что надо разговаривать, во-вторых, мы уже десять лет отмечаем, что все хотят как-то выбиваться. Согласитесь, ситуация неловкая, дико всем неудобная, в основе ее масса недоверия, подозрительности и так далее. Как в свое время пел Булат Окуджава, «из грехов своей родины вечной не сотворите кумира себе». Я о чем? Я о том, что, когда мы говорим «эгоистичная Европа», при этом при всем, Европа развитая, очень удобная и до недавнего времени (да и сейчас) страшно привлекательная для россиянина земля, потому что там порядок и закон. Может, не самый эффективный бизнес, но тоже все удобно.

Понимаете, мне кажется, что в нашем разговоре мы чуть-чуть увлекаемся идеей противопоставления. Да, конфликт случился. Да, у него есть серьезные основания. Да, есть расхождения. Да, все эгоисты. Да, все руководствуются своими интересами. Было бы глупо, если бы государства не руководствовались своими интересами. Как и люди руководствуются своими интересами. Но именно в этой ситуации и необходимо нащупать

путь, некоторые даже используют такой термин, как «новая нормальность». А вот и Владимир Алексеевич.

Э. Закамская:

Владимир Алексеевич. Вы герой дня буквально. Здравствуйте.

А. Быстрицкий:

Владимир Алексеевич, я за вас тут защищаю Европу, Европейский союз, говорю, что есть с кем разговаривать, о чем говорить.

Э. Закамская:

Вы таким образом несколько обязываете Владимира Алексеевича продолжить защищать Европу. А возможно, у него совсем другое настроение сейчас.

А. Быстрицкий:

Возможно.

Э. Закамская:

Мы же не знаем, как прошло все.

А. Быстрицкий:

Владимир Алексеевич, мы страшно рады вас видеть. Спасибо большое.

Э. Закамская:

Владимир Алексеевич, рассказывайте, чем все закончилось. Или только начинается.

В. Чижов:

Ну, во-первых, я не знаю, о чем вы здесь до моего прихода говорили.

А. Быстрицкий:

Это не важно, вы рассказываете.

Э. Закамская:

Попробуйте угадать.

В. Чижов:

Если в двух словах, то сам факт участия председателя Еврокомиссии в Петербургском международном экономическом форуме, его контакт с Президентом России, плюс выступление сегодня на открытии Форума, я бы это не назвал прорывом, это было бы преувеличением, но это определенный шаг вперед в возвращение наших отношений к нормальности. Это будет, как любят говорить некоторые на Западе, «новая нормальность», не во всем похожая на ту, к которой мы привыкли в прошлом, но, может быть, она будет лучше, она будет более прагматичной. Будет в большей степени отражать реальные интересы двух сторон.

Э. Закамская:

Это если коротко, Алексей Евгеньевич, продолжите.

А. Лихачев:

Ну, я так коротко, как Владимир Алексеевич не могу, потому что краткость — сестра таланта, у меня, видимо, его нет.

Интересный момент: здесь собрались такого специалиста высокого уровня — это я, кстати, без всякого камня за пазухой говорю, — что мы очень углубились и начали уже даже подробно по частям разбирать конкретные бизнес-проекты, бизнес-кейсы, в частности, известный Северный поток. Но мне кажется, что можно подняться еще чуть-чуть повыше в этой проблематике, и все-таки вспомнить, что кроме России и ЕС в этом непростом диалоге участвуют и третьи страны, и их влияние, может быть, даже определяющее, к сожалению. И страны кивают на Брюссель, Брюссель иногда молчит в задумчивости, но мы понимаем, что есть еще

одна столица, которая никогда не молчит, которая всегда говорит, и говорит достаточно определенные вещи. Это далеко не все, что я хотел сказать.

Э. Закамская:

Интересно, что вы об этом сказали. Вам бы за экономику, а вы говорите...

А. Лихачев:

Еще очень важный момент, здесь мы, кстати, мне кажется, можем открыть новую тему обсуждения, не только сегодня за столом, но и вообще. Если мы себе представим обычный глобус из учебника с западным полушарием и восточным и прикинем новую торговую архитектуру, то точно увидим контур транстихоокеанского партнерства, который заработает, я думаю, в ближайшие месяцы, понимаем то, что называется ВРЭП — региональное партнерство, где лидер — Китай, уходящий туда в Юго-Восточную Азию и дальше к Австралии (скорее да, чем нет). Видимо также в среднесрочной перспективе, но завершатся переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству, как бы ни сложны были они. И понимаем примерно следующее: в нарисованной карте Брюссель — лишь часть торговой повестки дня Вашингтона, извините меня за такой, может быть, не совсем уважительный разговор. И Россия в этот момент без сомнения является модератором процесса на территории Евразийского союза (при всем уважении к партнерам по ЕврАзЭС), конечно же, на пространстве СНГ (за исключением Украины и части Белоруссии) и начинает серьезный диалог в пространстве ШОС, имея в виду, что в перспективе к Шанхайской организации присоединятся Индия и Пакистан. Таким образом, у нас возникает то ли разрыв между этим Евразийским торговым большим сообществом и Брюсселем, то ли, наоборот, мост, который позволит в отдаленной перспективе, не сейчас, на это уйдут, возможно, десятилетия, замкнуть ту комфортную для бизнеса среду, а не делать ее разрывом по линии соединения Евразийского союза и Европейского союза. По нашей, как вы говорите, экономической кафедре, это главный вызов и та тема — без сомнения она не такая, как «газ в обмен на трубы», но по масштабности

она точно может быть включена в число тех приоритетов, о которых нам надо говорить сегодня с Брюсселем.

Э. Закамская:

И Россия, и Евросоюз сегодня встретились сегодня с одним глобальным вызовом — это экономический рост ниже темпов мирового экономического роста. По всем прогнозам и Евразийский союз, и ЕС столкнулся с этой проблемой. И, казалось бы, на посторонний журналистский взгляд, что было бы проще, чем, объединившись решать эту проблему, потому что иначе нас закроют, нас перекроют совершенно другие страны, государства, объединения, с которыми мы уже ничего не сможем сделать. Кстати, в Америке тоже экономический рост закончился, не начавшись практически. То есть у них тоже эта проблема есть, но до них далеко, а вот мы-то рядом совсем и должны были бы этот вызов принять, осознать и решать вместе.

А. Лихачев:

Мне кажется, имея в запасе экономический (я подчеркиваю, что разговор не о политике, не о каких-то серьезных глобальных вопросах) диалог с Евразийским союзом и странами, аффилированными в это экономическое сообщество, это пространство в будущем, Брюссель имел бы просто больше козырей на руках в разговоре с другими торговыми партнерами.

Э. Закамская:

Владимир Алексеевич, есть ли у вас это понимание, что мы — это козырь, который может быть на руках? Дружба с нами, сотрудничество?

В. Чижов:

Наверное, есть, но далеко не у всех. Как Алексей Евгеньевич правильно отметил, слишком часто и слишком много политика вмешивается в экономику. Вплоть до того, что некоторые объективно выгодные обеим сторонам, или даже нескольким сторонам, проекты становятся жертвами политических, геополитических, зачастую искусственных построений. Тем

не менее мы понимаем, что действительно мы живем в огромном, пусть и на взгляд современного поколения, становящемся все меньше мире, он достаточно велик, он уже достаточно многополярен, если так можно выразиться.

Кстати говоря, вышеупомянутый господин Юнкер некоторое время тому назад в одном из выступлений отметил, что если группа, которая называется «Семерка» (есть такая группа), сохранится и будет формироваться по критерию экономического роста, то где-то к 2050 году ни одной европейской страны там не останется. Канады тоже не будет, да. Там будут совсем другие страны, которые в общем-то развиваются совсем другими темпами. И если говорить о темпах роста мировой экономики, то именно эти страны теперь определяют рост мировой экономики. К сожалению, осознание этой реальности, осознание того, что, наверно, иметь дело перспективнее с теми непосредственными соседями, с которыми уже налажены десятилетиями различного рода торгово-экономические связи, оптимальнее с точки зрения соотношения выгоды и расходов, нежели строить такие вот комбинации, как то же Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство. Я даже в одном из интервью упоминал такой аргумент, который вызвал довольно бурную реакцию, я им говорил: «Мы даже не хлорируем наших кур».

Э. Закамская:

Александр.

А. Пар:

Мне очень важно было замечание нашего шефа Валдайского клуба Андрея Быстрицкого о том, что тут собрались люди, которые хают — он так не сказал, я преувеличиваю — Европу. Мне кажется, что в этом отношении, если смотреть на то, как Европа создавалась, за последние 25 лет Россия вошла в эту Европу. Мы не только около, мы вместе. Россия переняла после коммунизма от Запада правовую систему, демократию, парламент, партии, которые избираются. Просто я вижу, как Путин за последние 15 лет

принимает немецкую социальную систему, систему страховки, она перенимается здесь, образ жизни становится европейским, все это есть. Мы живем на одном континенте. Проблема в другом.

Во-первых, в самой Европе появился евроскептицизм, потому что проект Европы — не с точки зрения России, а вообще — начинает идти не в том направлении. Не зря же половина британцев хотят выйти из Европейского союза. Еще два-три года назад никто такого не мог себе представить. Они могут выйти, могут греки выйти, значит, что-то у нас не в порядке — в общем европейском доме. Об этом тоже нужно подумать, и тут, я думаю, нам нужно уже вместе вести, даже на этой площадке Валдайского клуба, очень серьезный разговор: как выстроить этот общеевропейский дом, со всеми изъянами, которые есть? Их нужно убирать, конечно, но, может быть, как раз российские идеи могут достаточно помочь Европейскому союзу где-то посмотреть на себя со стороны и найти для себя будущее.

Э. Закамская:

Как говорил и говорит министр иностранных дел Сергей Лавров, мы не говорим о санкциях, мы не обсуждаем санкции, они не являются предметом наших политических дискуссий, скорее, наши европейские партнеры при каждом удобном случае сразу заводят разговор о санкциях. Что и говорить, за два года они уже стали индикатором отношений России и ЕС, это такой градусник. Мы меряем: отмените или не отмените, будет или не будет.

В ближайшее время должно состояться очередное обсуждение санкций в Европе в Брюсселе. Мы знаем, что на сегодняшний день порядка трети стран Евросоюза выступают против продления санкций. В этот диалог мы не вмешиваемся, насколько я понимаю, то есть это ваш внутренний диалог, мы можем только подавать идеи, а уж прислушиваться или не прислушиваться, решайте сами. Тем не менее я предлагаю уже в завершение нашего разговора прокомментировать, каковы перспективы этого обсуждения будут в Брюсселе. Будут ли санкции продлены по формальным признакам, поскольку конфликт на Украине не разрешен? Сегодня глава Еврокомиссии тоже сказал, что санкции связаны напрямую с

выполнением Минских соглашений — это мнение тоже сегодня здесь звучало, — поскольку у Евросоюза нет возможности сегодня вести независимую политику, и так или иначе решения диктуются из Вашингтона. И санкции отменяют или изменяют в этом году, поскольку они не приносят ничего кроме взаимного разочарования и недоверия. Вот, пожалуйста, примерно три варианта ответов, я предлагаю всем высказаться и будем подводить итоги.

П. Дуткевич:

Очень просто. Поскольку европейцы принимают решения по консенсусу и поскольку не будет единой позиции, будет по крайней мере четыре страны, которые будут голосовать за продление санкций, санкции будут продлены по крайней мере до весны следующего года.

Э. Закамская:

Владимир Алексеевич, если вы не против. Я вам в последнюю очередь предоставляю слово. Хорошо, да? Пусть оно будет резюмирующим. Пожалуйста.

А. Пар:

Это правильно, что четыре или пять стран будут голосовать не только за продление, а за ужесточение санкций. Нужно надеяться, что найдется мужество у одной из тех европейских стран, которые выступают за отмену санкций, громко сказать свое слово. Я думаю, такая страна появится. Все равно санкции продлены, но с оговоркой. Вот коллега из Франции сейчас, наверное, скажет, что санкции будут продлеваться на шесть, а может быть, на три месяца. Но, во всяком случае, с такой оговоркой что-то должно произойти, например, усиление роли ОБСЕ, что предлагается и украинской, и российской стороной. Если это все будет сделано за три месяца, то тогда санкции можно будет через три месяца или через шесть месяцев убирать. Эта оговорка, я думаю, будет сделана.

Э. Закамская:

Арно.

А. Дюбьен:

Мне кажется, и не только мне, что санкции будут продлеваться в последний раз в этом виде и что надо будет посмотреть на формулировку коммюнике. Большинство стран, мне кажется, хочет серьезных изменений уже во втором полугодии, чтобы не вступать в 2017 год в таком режиме. Важно, мне кажется, что мы и в Париже, и в Берлине на высшем уровне, в разных инстанциях, в разных частях коалиции — кажется, это самое важное — выходим из логики «все или ничего» в плане воплощения в жизнь Минских соглашений и, соответственно, снятия санкций. Мы думаем, что они будут продлены, но при этом выходить из этой логики — это самое важное и это открывает очень хорошие возможности.

Э. Закамская:

Спасибо.

Федор.

Ф. Лукьянов:

Ну вот есть такие две, или три, или пять стран, есть еще другие страны, но при всем уважении ко всем этим странам, есть одна страна, мнение которой весит существенно больше, чем все остальные. Александр из нее к нам приехал. Как мне кажется, там пока все-таки превалирует мнение, что санкции снимать нельзя, хотя там тоже пошли такие трещинки в этом монолите. Значит, они будут продлены, я согласен, скорее на полгода, а вот уже в следующий раз начнется демонтаж. Если можно, я скажу одну фразу вдогонку предыдущей дискуссии. Метафоры — вещь хорошая, но надо быть осторожным. Я вот не хочу, например, чтобы Россия была козырем, потому что козырь — это то, чем играют, а мне кажется, мы все-таки должны быть тем, кто играет. Давайте Евросоюз будет козырем России в ее розыгрыше.

Э. Закамская:

Разумное пожелание, хотя есть другая сторона, которая тоже с осторожностью бы отнеслась к вашей метафоре, Федор.

Единственное, я бы не преуменьшала мнение той страны, из которой приехал к нам Арно Дюбьен, поскольку Франция имеет здесь большой вес. Самое главное, что у нас была уникальная возможность, связанная с восстановлением отношений между Россией и Францией, когда мы говорили о создании коалиции для борьбы с терроризмом, для нанесения общих ударов по ИГИЛ, и эта возможность, к сожалению, тоже не была использована до конца, хотя попытка была хорошая, нужно сказать. И визит Франсуа Олланда был в этом смысле встречен с вниманием и пониманием. Пожалуйста, Алексей Евгеньевич.

А. Лихачев:

Я не люблю делать прогнозы.

Э. Закамская:

Потому что все знаете уже.

А. Лихачев:

Нет, конечно, ничего не знаю. И думаю, что решение будет принято все-таки по сохранению санкционного режима.

Но очень надеюсь, что появятся те формулировки, которые позволят в течение ближайшего времени изменить конфигурацию. Потому что есть ряд абсурднейших решений, связанных с включением в санкционные списки парламентариев. Я сейчас продолжать не буду. Надеюсь, что все-таки лед тронется, и после формального продления начнутся пусть небольшие, пусть полушажочки, но хотя бы какие-то изменения, которые позволят и нам сделать соответствующие шаги навстречу.

Э. Закамская:

Пожалуйста, Андрей

А. Быстрицкий:

Я считаю, что действительно к концу года ситуация с санкциями достаточно сильно изменится. Мне кажется, что тенденция к прямой полной или частичной отмене санкций есть. Этому очень многие хотят. И при хорошо сложившейся ситуации может получиться.

Э. Закамская:

Владимир Алексеевич.

В. Чижов:

Ну я тем более не буду делать прогнозов, особенно прогнозов на эту тему.

Э. Закамская:

Жаль, вас бы цитировали.

В. Чижов:

В этом-то и главная опасность. Я хотел, во-первых, уточнить, что голосования никакого не будет. Как здесь правильно отмечалось, все решения принимаются консенсусом, что по санкциям, что по любому другому вопросу. Не все, конечно, решения в ЕС принимаются консенсусом, у них теперь есть некоторые сюжеты, которые решаются квалифицированным большинством. Но все, что касается России, как неофициально говорят мне мои клиенты, требует консенсуса.

Второй момент, давайте все-таки мы их будем называть «так называемые санкции», ибо с точки зрения международного права, они не легитимны сами по себе. Есть три пакета, у каждого из них свой срок действия. Первое продление так называемого Крымского пакета, был 23 июня, в день Брекзита. Второй пакет, наиболее объемный, — это секторальные экономические санкции, у них срок по 31 июля. Но есть и третий пакет. Это персональные санкции для примерно полутора сотен граждан России и некоторого количества граждан Украины, кстати говоря. Поэтому, когда Украина поддерживает санкции Евросоюза, в том числе направленные

против собственных граждан, это с точки зрения международного права и морали полный нонсенс. Этот третий пакет уже продлен до середины сентября. Так что это все будет многоходовая игра, в основе которой лежит один момент. Евросоюз сегодня сталкивается с большим набором внешних и особенно внутренних вызовов. Внешние известны. Внутренние. Это миграция, которая имеет и внешнее измерение, но во многом и внутреннее. Это тот же Брекзит: будет—не будет. Даже если большинство уверенно проголосует за то, чтобы Великобритания осталась в Евросоюзе, все равно проблемы-то никуда не денутся. Это ряд других сюжетов, например, кризис еврозоны, столь ярко выглядящий сегодня на примере Греции. Он тоже до конца не урегулирован.

И вот на фоне этого «раздрая» (назовем это таким образным русским словом) Евросоюз всячески стремится хоть в чем-то показать свое единство. И тут, как говорится, soft target — отношения на российском треке. Я этот вывод делаю в том числе на основе тех публичных комментариев, которые я слышал и наблюдал. Когда принимались предыдущие предложения о продлении санкций, их суть уже меньше волновала, говорили: «Ну, слава богу. Нам удалось сохранить единство». Дальше начались бы прогнозы, но тут я сделаю точку.

Э. Закамская:

Может быть, все-таки будет какая-то, новость дня-то, Владимир Алексеевич?

В. Чижов:

Сегодняшнего дня?

Э. Закамская:

Да.

В. Чижов:

Да, встреча Президента с председателем Еврокомиссии прошла в

конструктивном духе, все остальные комментарии, пожалуйста, к пресс-службе Президента.

Э. Закамская:

Мы не готовы встретить ее аплодисментами. Спасибо. Надеюсь, какая-то расшифровка последует уже от информационных агентств и от ваших коллег, Владимир Алексеевич.

Мы должны завершать дискуссию, но мы совсем не поговорили о роли информационной войны, которая разразилась между западной прессой и российской прессой. Здесь, наверное, я как журналист должна принять часть ответственности на себя, но я не знаю, возможно ли включить в повестку каких-либо переговоров окончание информационной войны. Потому что чем скорее мы перестанем друг друга пугать со страниц газет, с экранов телевизоров, тем скорее мы перестанем друг с другом бороться, мне кажется, это очевидно. Как это сделать, я не знаю. Но когда я открываю западную прессу, то, что я читаю о своей стране, не укладывается ни в какие даже самые фантастические мои представления о том, что могли бы обо мне, или о моих коллегах, о тех, кто живет в этой стране, о моих соотечественниках написать. Это, конечно, призыв, это можно расценивать как некоторое пожелание, которое позволит нам быть «не вместе, но рядом» как можно скорее. Я благодарю вас за эту дискуссию и за этот разговор. Всем желаю успехов. Спасибо.